

Пить хочется, во рту мерзкий привкус, голова болит... И еще холодно, до озноба, хотя я чувствую на себе тяжелое теплое одеяло. Понятно... У меня для тебя две новости Леха - как обычно, хорошая и плохая. Ты явно не на небесах, там уже ничего не болит, это я точно знаю. Стало быть твоя награда откладывается и это плохо. С другой стороны Танечка жива и это, как ни странно, радует. Я все же живой, блин! Ну что же попробуем открыть глаза, посмотрим, где я оказался.

Первым на глаза попался высокий белый потолок с лепниной по углам, затем я повернул голову в сторону и разглядел интерьер большого кабинета, в углу которого стояла моя кровать. Широкая и удобная, между прочим, с огромной мягкой периной, подушкой и пуховым одеялом. На всем этом белом великолепии мое забинтованное тельце просто терялось. По стенам висят картины, стоят высокие шкафы красного дерева, недалеко от кровати стоит стол со стульями, за которым сидит и что-то пишет Пашка в окружении металлического чайника, стаканов, каких-то флакончиков с лекарствами, тазика с водой и полотенец.

Словно почувствовав мой взгляд, парень повернул голову ко мне.

- Таня...Танюша... Ты очнулась, наконец-то, - он тут же вскочил из-за стола и быстрым шагом подошел к кровати, склонившись надо мной. - Как ты себя чувствуешь?

Опа, а взгляд его мне не нравится. Нежности в нем многовато и морда лица очень глупая - того и гляди расплечется от избытка чувств. Плохо, мне этого не надо...

- Юнкер Никифоров, смирно! Отставить раскисать! Доложить обстановку командиру! - Попытался рявкнуть я, но мой слабый голос сорвался на середине фразы самым позорным образом и командирского тона не получилось, а сочувствия и нежности во взгляде моего друга только прибавилось. Тьфу, ты, приехали...

- Попить дай, - прокашлявшись, сказал я. - И подушку поправь. Долго я была в отключке?

- Двое суток, Таня, - ответил Пашка.

Я еще раз посмотрел ему в лицо, отметив про себя его землистый цвет и глубокие тени под глазами.

- Ты что, не спал все это время? Сидел у моей постели как последний идиот?

Парень лишь коротко кивнул головой.

- Зря. Не надо было этого делать. Но все равно спасибо, - принял я из его рук стакан теплого сладкого чая и выпил его мелкими глоточками, почувствовав, что начал потихоньку согреваться и противная дрожь отступает прочь.

- Где я? Что произошло за эти двое суток?

- Мы в Смольном, его удалось полностью отбить от красных... Таня, мне надо врача позвать, он велел первым делом его пригласить, как только ты придешь в себя. И еще Корнилин с Матвеем Филипповичем хотят с тобой поговорить, ждут не дождутся. Они тебе все лучше меня расскажут.

- Ладно, - вздохнул я. - Зови. Отпуска по больничному мне, похоже, не светит.

Примерно через час моя Таня была тщательно осмотрена врачом, заново перевязана, сложена на горшок и умыта медсестрой, накормлена каким-то перетертым мясным супом-пюре и несколькими укрепляющими микстурами, после чего я почувствовал себя более-менее. Страшного ничего не произошло. Сквозное ранение плеча, кость не задета, пуля прошла навылет, от заражения рану за неимением в этом мире антибиотиков обработали антимицробной магией. Просто я сильно устал, потерял много крови и вообще - я маленькая девочка, поэтому чуть не протянул ноги от такой раны, с которой взрослый здоровый мужик мог бы остаться на ногах. Надо это учитывать впредь - магии-то у меня много, а вот собственных силенок и здоровья с гулькин...нос. ТТХ хорошие, а живучесть низкая.

Корнилина с Ребровым доктор, интеллигентного вида мужчина с чеховской бородкой и в пенсне, допустил в кабинет "ненадолго, чтобы не переутомлять больную", но посмотрев на обоих соратников, я сразу понял - разговор затянется. Они смотрели на меня с надеждой, понимаете? Не как на раненого героя, которого надо навестить, а как на волшебника, который сейчас разрулит их проблемы.

- Не представляешь, как я рад тебя видеть живой Таня, - разулыбался мне Ребров. - Когда я узнал, что тебя ранили, чуть было не велел расстрелять весь совнарком к хренам собачьим.

- А это еще не поздно сделать, - серьезно добавил Корнилин. - Моим казакам только свистнуть и готово дело. Злые они после боя, да и насмотрелись на кое-какие вещи. Тут неподалеку пленные нам пару подвалов показали, а там разного расстрелянного народу валом...включая генералов из генштаба, прямо в мундирах.

- Не надо никого расстреливать, - тихо сказал я. - Это всегда успеется, но сейчас мы должны рассуждать политически. Все трупы расстрелянных сфотографировали для протокола? Нет? Зря... Ладно, рассказывайте обо всем подробно.

Дела обстояли неплохо. Но и не хорошо. Наш ночной рейд удался полностью, Смольный и Зимний дворцы были отбиты у народогвардейцев, все ключевые точки города захвачены. Неожиданность нападения и арест совнаркома в самом начале операции сыграли свою роль и, хотя кое-где красные оказали ожесточенное сопротивление, в целом мы одержали верх. Кроме того, узнав о захвате Питера, комитет общественной безопасности в Москве провел лихую атаку на красных и выбил их из центра города. Корнилину даже удалось установить с москвичами связь. Более того, после призыва Реброва и Корнилина к офицерам и юнкерам Питера с просьбой о поддержке, вооруженные силы нашего импровизированного...союза что ли, не знаю, как и сказать, выросли до пяти тысяч штыков. Но вот дальше... Анархия, одним словом. Мы победили в битве, но в целом обстановка как была сложной так и осталась.

Ряд кварталов города по-прежнему контролировали красные, которые отнюдь не собирались сдаваться, и драться с ними на улицах было себе дороже. Арест совнаркома лишил их единого руководства и координации, но не желания вести борьбу. То же и в Москве. А уж по всей России... Да там нас просто никто не знал и мы никому были не нужны. Тем более нам не стали бы подчиняться. Временное правительство было хотя бы немного легитимно, у красных была поддержка среди части рабочих и крестьян и сеть местных советов, а у нас? И кто такие мы? Короче, пора определяться и что-то делать. То есть назвать себя как-то, может быть советом национального спасения или сразу военной диктатурой, определиться с лидером и выпускать какие-то воззвания, формировать правительство, делать что-то. А эти двое, Ребров с Корнилиным, не предприняли за двое суток после победы ничего кроме чисто военных мер. Зато едва Таня слегка очухалась, прибежали к ней со всеми нашими проблемами.

- Мужики, у вас совесть есть? - Прямо спросил я у них. - Я по-вашему кто? Я маленькая девочка - боевой маг и не более того. Когда все было совсем плохо, я помогла вам опрокинуть красных. Но дальше сами, берите власть и действуйте. Я вам доверяю, чуть наберусь сил и буду драться за Россию вместе с моими юнкерами. Но я не политик, не надо меня в это втягивать.

- Это ты-то не политик? - Улыбнулся Корнилин. - Слышал я твою речь на вокзале, поэтому за тобой в бой пошел. Да и Матвей Филиппович за эти два дня мне кое-что про тебя порассказал. Нет уж, Таня, если тебя Господь избрал для спасения державы, то неси свой крест. Говори что делать.

- Даже так? - Озадачился я.

- А как иначе такие чудеса объяснить? - Вступил в разговор штабс-капитан. - Только тем, что небеса на твоей стороне. Да ты сама намекала мне на какой-то особый опыт...

- Ну, вы даете, господа. Да, я кое-что соображаю как солдат. Но как политик - нет. Только самые общие вещи.

- Вот ты и посоветуй нам эти самые общие вещи, - кивнул Корнилин. - А потом спи-отдыхай, поправляйся. Как их воплотить в жизнь мы сами подумаем.

- Ладно, - устало откинулся я на подушку. - Подумаю. Крепкого сладкого чаю прикажите подать. И шоколадку хочу.

- Это сей момент сделаем, - улыбнулся казак. - Ты уж подумай, Танечка, а мы тут пока у тебя тихо посидим. Как надумаешь чего, скажи. Часа тебе хватит? Время дорого.

- Изверги, - пробормотал я. - Мучаете ребенка почему зря.

- В общем так, господа, - позвал я офицеров через некоторое время. - Как ни крути, без одной важной детали наш паззл не складывается, хоть тресни.

- Что не складывается? - Удивился Корнилин. - Ты порою так чудно гутаришь.

- Неважно что. Важно кто. Нам нужен император, без него никак. Где он, не выясняли?

- По последним данным на момент переворота императорский поезд был на станции Антоновка, за Тулой. Сразу после отречения охраняемый особым батальоном временного правительства император отправился на юг, - ответил Ребров. - Временное правительство обещало ему неприкосновенность в одном из дворцов Крыма, в Ялте, кажется. Там под охраной он должен был жить со своей семьей. Но с проездом постоянно были какие-то проблемы, то стачка железнодорожников, то еще что-то, так что дальше Тульской губернии поезд не ушел. Когда к власти пришел совнарком, они приказали местному совету разоружить батальон и взять царя под стражу, но выполнено ли это - неизвестно. Скорее всего - нет.

- Откуда такая информация? - Напрягся я.

- Так у нас под арестом аж два правительства сидит в почти полном составе. То, которое красные арестовали в Зимнем и совнарком. Мы с Лавром Георгиевичем решили пока никого из них не отпускать, мало ли как дело повернется.

- Это вы хорошо придумали, - я сделал еще глоток чая. - Так вот господа офицеры, императора

с семьей надо освобождать. Решительно и без колебаний. И делать это должны мы, если хотим кем-то стать для России.

- Хочешь вернуть Николаю власть? - Спросил Ребров. - Ты же сама недавно говорила, что вернуться в старые времена не получится, народ не примет.

- Не примет. И возвращать власть, тому, кто ее сам не удержал, я не собираюсь. Но и держать императора под арестом больше нельзя. Надо убедить его помочь нам, другого выхода нет. Если мы возьмем власть сейчас сами по себе, то ничего кроме распада страны или гражданской войны по итогу нам не светит. Попробуем договориться с отрекшимся самодержцем и сделать ему предложение, от которого ему будет сложно отказаться. И делать это снова придется мне, - поморщился я. - Ничего не поделаешь.

Способность мага поднять в воздух груз очень зависит от его магической силы. Но в принципе два-три своих веса унести могли большинство моих юнкеров. Хотя использовать боевого мага как грузчика уставом решительно не рекомендовалось - его боеспособность и защищенность падала в разы, сила на удержание веса расходовалась постоянно и быстро наступала усталость. Но если очень надо - значит можно.

Меня несли Пашка с Ребровым, закутанную по уши в теплый меховой полог. Расходовать силы и тратить свою магию на полет я не собирался. Доктор и так возражал категорически, утверждая, что едва очухавшейся раненой куда-то лететь за сотни километров, это верный шанс поймать горячку и пневмонию, ослабленный организм таких шуток над собой не потерпит. Но выхода не было. Корнилин оставался за главного, а нам требовалось сделать срочный перелет в Тульскую губернию. Император был нужен в Питере, в Зимнем дворце, а не на провинциальном полустанке.

Взлетели утром, на следующий день. Всего семьдесят магов и два десятка сопровождающих офицеров как груз. Хватит ли этого, если охрана от временного правительства откажется нас пропустить к Императору? Думаю вполне, мои ребята уже понюхали пороха и почувствовали вкус победы. Авантюра, конечно, но у меня с начала переворота одна авантюра сменяет другую, так что поздно метаться. Тот же Скорцени освобождал Муссолини при худших раскладах и ничего - справился. Значит и мы должны.

Все оказалось не так уж плохо на самом деле. Летели мы на эшелоне около тысячи, погода для начала апреля стояла теплая, обещающая раннюю весну, скорость в строю держали комфортную, сильно не разгоняясь. Часто снижались и делали остановки для отдыха и перекуса в укромных местах. Закутанный в теплые меха и комбинезон я вполне согрелся в дороге и даже ухитрился немного поспать.

Перелет занял весь день, а поздним вечером мы, усталые и голодные, свалились как снег на голову на обитателей деревни Анисимовка Тульской губернии. Небольшая, всего с полсотни дворов, она стояла на отшибе от нитки железной дороги, вдоль которой мы летели, и я решил там заночевать. Крестьяне были не в курсе последних новостей, а боевых магов они видели впервые в жизни, так что переполох мы сначала произвели знатный. Не привыкли в провинции к такому... Но потом Ребров быстро договорился со старостой местной общины, который за мзду малую отвел нам дома под постой и распорядился насчет ужина и я, набив живот вареной картошкой, сваренными вкрутую яйцами, салом и луком, даже ухитрился выспаться на теплой русской печке, так что к утру сил у моей Танечки только прибавилось. Рука периодически болела и почти не двигалась, но сила в орбе появилась - живем!

- Что же ты деточка вся такая худенькая да побитая, - глядя на меня причитала бабка, принесшая в горницу завтрак - яичницу, хлеб и оставшуюся с ужина картошку в чугушке. - Маленькая, одни глаза на лице видны. Неужто мамка с тяткой не кормили?

- Сирота я, - впился я зубами в кусок теплого ароматного хлеба. - Подкидыш.

- Ой, лихо-то какое, - всплеснула руками бабка. - Поди с детства по чужим людям скиталась, материнской ласки не зная, вот и выросла такая злющая...

- Это я-то злая? - Удивился я.

- Конечно, - осуждающе покачала головой бабка. - Тебе бы куклу тискать, а ты одной рукой левольверт сжимаешь. А вторая перевязанная висит. Кто такую девку замуж возьмет?

- Найдутся желающие, - утерев рот рукавом, сказал Ребров и почему-то покосился на Пашку, который чуть не подавился за столом под его взглядом. - Но ты, бабушка, нашу Таню лучше не тронь. Она у нас злая, да и мы не подарок. Помолчи лучше, от греха подальше. Она и так за народ пострадала.

- Так вы, господа маги хоть и в погонах, но за народ? - Вступил в разговор молчавший до того мелкий дедок с всклокоченной бородой. - Как красные али как кто? Тут к нам давеча один в деревню приезжал, все за красных агитировал. Говорил, землю красные хотят народу раздать. Брешет чи нет?

- Не брешет, - ответил я, макая очищенную для меня Пашкой картошку в крупную серую соль на блюде. - Просто всей правды не говорит. Землю они народу раздать хотят. А вот урожай с нее - отберут обязательно. Загонят вас вместе с этой землей, хозяйством и скотиной в общины, которые назовут колхозами, и будешь ты работать на общей земле за здорово живешь и палочку трудодня в тетрадошку. На барина раньше два дня в неделю работали, а на колхоз каждый день заставят. А мы - другие. Мы хотим тебе землю для того дать, чтобы и ты на ней заработать мог, если не лентяй, и нам с твоего крепкого хозяйства прибыль был. Вот такая разница, дед. Ладно, заканчиваем политинформацию. Матвей Филиппович, разведку выпускать пора, цель где-то рядом.

- Она уже в воздухе, Таня, с вечера приказал. Как увидят поезд, мы сразу узнаем.

Императорский поезд обнаружило звено Юли на одном из полустанков километрах в тридцати от деревни. Заметить его было нетрудно - вокруг состава хватало военных, целый лагерь разбили. Были даже меры противовоздушной обороны - несколько импровизированных зенитных пулеметов. Но в целом чем-то серьезным охрана поезда не выглядела. Ребров долго изучал лагерь в мощный морской бинокль, прячась за верхушками деревьев прилегающего к железнодорожным путям леса, а потом сделал вывод:

- Расслабленные они какие-то. Ни толковых постов, ни попыток маскировки. Всего в батальоне штыков триста не больше. Говорили, раньше чуть ли не полк был, когда государь отрекался.

- Везде разброд и шатание, - пожал я плечами. Ради такого случая я рискнул снова надеть ранец и сейчас завис рядом со штабс-капитаном, хотя и не был вполне здоров - после недолгого самостоятельного полета меня опять начало немного мутить. - Драться не хотелось бы... Еще заденем его величество. Попробуем поговорить. Но с позиций силы, конечно.

У нас получилось. Юнкера тихонько прошли лесом, прячась между стволов деревьев, и по команде Реброва вылетели к полотну железной дороги и полустанку, охватывая его кольцом. Не прошло и четверти минуты, как вокруг лагеря и поезда зависли маги с винтовками наизготовку в сиянии защитных полей. Солдаты, увидев нас, начали хватать оружие из пирамид, кто-то подбежал к пулемету...

- Бойцы не пытайтесь открыть по нам огонь! - Донесся сверху усиленный магией голос Реброва.
- На наши патроны повешены фугасные заклинания, один выстрел и тут будет бойня. С семью десятками боевых магов вам не справится. Мы просто хотим поговорить, пусть ваш командир выйдет на видное место.

- Я командир, - вышел вперед подтянутый офицер лет сорока на вид. - Подполковник Томилин. С кем имею честь?

- Штабс-капитан Ребров и отдельный Российский магический батальон, - уклончиво представился офицер, подлетев к подполковнику вместе со мной. - Нам надо поговорить с его Величеством.

- Имею приказ временного правительства никого не допускать к императору, - решительно ответил Томилин. - И не пущу.

- Нету уже временного правительства, - мягко возразил ему Ребров, спускаясь вниз. Ты же в курсе, у вас при составе должна быть маготехническая связь или телеграф. Впрочем...да на, не жалко - он протянул подполковнику сложенный лист бумаги. Подполковник пробежал его глазами и побледнел - там, за подписью министра военных дел временного правительства черным по белому предписывалось передать императора с семьей под нашу ответственность. Солидный документ с печатью, все как положено, министр недолго и возражал, когда его заставили написать такую бумагу. Хорошо, когда у тебя под арестом есть на всякий случай целое правительство...

- Вот такие дела, подполковник, - продолжил Ребров. - Продолжишь упрямиться или разойдемся миром? И главное, было бы ради чего воевать. Ничего плохого мы императору делать не собираемся, но настроены крайне решительно.

Томилин оглянулся вокруг, посмотрел на замерших в небе магов, перевел взгляд на нас, потом на поезд и вдруг махнул рукой.

- Делайте что хотите. Один хрен поезд дальше красные не пускают, везде забастовка, сидим тут как... А теперь, говорят, и красных в Питере нет, маги их выбили...то есть вы. Вам и разгрести эту кашу. Император в третьем вагоне, том, что с красными дверями.

- Вместе пойдем Таня? - спросил меня Ребров.

- Да. Доделаем все до конца.

Мы подлетели к вагону, который уже окружали наши офицеры и юнкера и я с силой постучал в дверь. Она тотчас открылась и из нее высунулся пожилой человек, одетый в строгий костюм-тройку.

- Слушаю вас господа?

- Маг-юнкер Павловского магического училища Дергачева и штабс-капитан маг Ребров, - представился нас я. - Просим аудиенцию у его Величества по неотложному делу.

- Я тотчас о Вас доложу. Будьте добры проходите. Подождите немного в приемной, - сделал приглашающий жест слуга.

О Николае из моего мира я читал немало, но устойчивого собственного мнения о нем из прочитанного составить так и не сумел. Слишком много всего навверчено вокруг этой фигуры. Побасенки о "безвольном Николашке", которым управляла супруга, а обоими вертел как хотел Распутин, мне всегда казались откровенно лживыми. Да и за версту видно, кому выгоден миф о "царе-тряпке", бессудно убили и посмертно оболгали человека, бывает. Но и в противоположном лагере, где последнего царя представляли непогрешимым святым рыцарем без малейшего греха и упрека тоже правду искать бессмысленно - нет ее там. Читать воспоминания современников? Так они противоречивые, есть даже выражение - "врет как очевидец". Так что все это без толку, да и мир тут другой.

Сейчас перед нами сидел обычный человек. Ничего такого я в нем не видел, никакой особой ауры или харизмы. Интеллигентный, с приятными чертами лица, умеющий слушать. Он внимательно выслушал наш рассказ о происходящем в Питере и произошедших событиях, тихонько кивая головой и задавая уточняющие вопросы, спросил о роли Корнилина, при показе фотографий с расстрелянными генералами генштаба сильно побледнел - очевидно, он был знаком с этими людьми.

- Так вы говорите, сейчас и временное правительство и совнарком под вашим арестом?

- Да, Ваше величество. Кроме того, большая часть города в наших руках.

- И ты, восьмилетняя девочка, несмотря на ранение, подняла товарищей по очередному перевороту и отправилась выручать императора с семьей из под ареста?

- Так точно, Ваше Величество.

- Воистину, неисповедимы пути Божьи. Хорошо, чего ты ждешь от меня?

- Вагон на безвестном полустанке плохое место для императора Ваше Величество. Возвращайтесь в Зимний. Мы можем перенести вас туда уже сегодня, если вы захотите.

Николай молчал. Было видно, что прошедшие несколько дней не прошли для него даром. Понимаю. Сначала сообщения, что изменили все и вся, а армия бездействует и приказы не выполняются. Потом арест, отречение, прозябание на полустанке и полная неизвестность с ожиданием печальных перспектив впереди. Судьбы свергнутых монархов редко бывали счастливыми.

- Так вы решили вернуть мне власть? - Наконец спросил он, глядя мне в глаза.

- Нет, Ваше Величество. - Настал ключевой момент разговора. - Так уже не получится. Вы сохраните трон, но должны будете подписать вот этот манифест. - Я протянул бумагу, которую перед отлетом писал под мою диктовку Пашка. - Всю исполнительную власть и большую часть судебной и законодательной вы отдадите военно-народному правительству, о чем кроме подписания манифеста объявите лично и в самых недвусмысленных формулировках. Мы их

потом отшлифуем. Сами останетесь на троне как гарант государства с ограниченными правами. Будем считать, что отречения не было, тем более что его никто и не видел. Но манифест будет во всех газетах.

- Вот как? - Николай взял листок и наскоро пробежал его глазами. - А если я откажусь, то вместе с семьей дополню вашу коллекцию арестантов?

- И снова нет, - серьезно ответил я. - Просто мы скажем: всем спасибо, все свободны, Россию уже не спасти, все мои усилия оказались бессмысленными. И разойдемся. Мы даже готовы перенести вас с семьей в безопасное место по вашему выбору, но на этом все. А дальше...дальше гражданская война и распад страны, наверное. В любом случае я не буду в этом участвовать, боевой маг везде пригодится. Мои товарищи...пусть решают сами за себя, военно-народное правительство самораспустится.

- А моему правлению вы не доверяете? - Горько спросил Николай.

- Не в этом дело. Просто как раньше Россия уже не примет, вы это сами должны понимать. Слишком много противоречий накопилось. А так - у страны будет шанс.

- Я могу помолиться и подумать? - Спросил Николай, выдержав долгую паузу.

- Конечно. Только не очень долго, - я почувствовал, как меня снова замутило. Похоже, температура подскочила. Блин, иногда врачи говорят правду, нельзя от их советов отмахиваться. Что хуже, мое состояние не укрылось от Императора.

- Вам плохо? - Спросил он со странной интонацией в голосе.

- Не обращайтесь внимания Ваше Величество. Последствия недавнего ранения.

- Хорошо, я недолго, - Николай встал и вышел из кабинета, оставив нас одних. Отсутствовал он минут двадцать. Затем вошел в кабинет вместе с каким-то немолодым мужчиной в мундире лейб-медика и, не говоря ни слова, решительно подписал манифест.

- Я согласен господа. Видимо, другого выхода нет. Евгений Сергеевич, помогите, пожалуйста, раненой. Мы все перед ней в долгу...